

2204

27 сентября 1983 года

«ВЕЧЕРНИЙ ТБИЛИСИ»

ВСТАЕТ ПОЭЗИЯ...

АЛЕКСАНДРУ
МЕЖИРОВУ —
60 ЛЕТ

КАКАЯ МУЗЫКА!..

ВЫДАЮЩЕМУСЯ русскому советскому поэту Александру Межирову исполнилось шестьдесят лет; и о нем давно уже пора говорить, полностью отдавая себе отчет в его значении и месте в родной поэзии, в ряду поэтов, определявших и определяющих лицо этой поэзии на весьма внушительном отрезке времени — на протяжении со-

роковых — семидесяти годов, вплоть до начала восьмидесятых, до дня нынешнего. Ибо, если первая книга поэта — «Дорога далека», во-бравшая в себя судьбу и опыт военных лет, вышла в 1947 году, то последняя книга поэта — «Проза в стихах» — датирована 1983 годом. К той первой, да и к ряду последующих книг поэта, полностью относятся

слова из его же известного стихотворения:

Какая музыка была!
Какая музыка играла,
Когда и души и тела
Война проклятая

попала...

...Стенали яростно,

навзрыд,

Одной-единой страсти

ради

На полустанке — инвалид

И Шостакович —
в Ленинграде.

Он сам был поэтом-фронтовиком, солдатом Великой Отечественной, одним из тех миллионов, кто готов был отдать жизнь за Родину, или стать во имя ее «инвалидом на полустанке». Но в нем жила и трепетала Музыка, музыка русского стиха, и, прозвучав еще тогда, она все многосложнее продолжала свое бытие и в последующих десятилетиях, чем действительно обнаружила бли-

зость — наверное своим драматическим накалом — духу Шостаковича, хотя по поэтическому языку, по выражению этого духа — и природно и осознанно — всегда тяготела к прозрачно-ясному началу блоковско-бунинско-ахматовской стихии.

Но Александр Межиров умеет и даже любит совмещать в себе, казалось бы, несовместимые начала. Такова в его искусстве диалектика быта и бытия, трагедии и иронии, даже сарказма, предметности и философич-

ности; поэтому его реализм мы бы назвали одухотворенным и музыкальным реализмом. Как это ни парадоксально звучит, но с этим связана, наверное, и его исконная и истовая любовь к цирку, к цирковому искусству, где естественность, природа и натуральная пластика так скрещены с иллюзией и мистификацией, со смертельным риском и выдумкой не только головоломной и не только в метафорическом смысле этого слова.

(Окончание на 4-й стр.)

АЛЕКСАНДРУ МЕЖИРОВУ — 60 ЛЕТ

КАКАЯ МУЗЫКА!..

(Окончание. Начало на 3-й стр.).

Здесь же я сказал бы и об особой позиции Межирова среди его поэтического окружения, особенно молодого. Многие из молодых поэтов обязаны ему своим движением, неуспешностью этого движения. Ведь есть прекрасные мастера, которые порождают подражателей, и часто прохождение такой школы тоже приносит свои благие плоды. Но Межиров будоражит своим существованием и позицией не подражателей, а наоборот — непохожих, отталкивающих от него. Он для них своего рода возбудитель, возмутитель спокойствия, стимулятор, «дразнитель» что ли. Он мог первым учуять появление нового таланта (так и бывало на деле), он мог стать его «крестным отцом», но потом, когда поэт зашагал твердо и пошел своим, ему лишь подвластным, путем, когда его уже не сбить с этого пути, мастер не дает ему покоя своей мнимой «враждебно-

стью», заставляет его всегда быть на чеку, «над собой держать контроль». Присутствие Межирова в русской поэзии не одного талантливого поэта обязывает блюсти свою музыкальную, артистическую, художественную форму.

И тут мы вплотную подходим к вопросу о переводах. Ведь Александр Межиров не только выдающийся поэт, но и выдающийся мастер поэтического перевода. А как известно, к этой сфере своего творчества он подходит с не меньшей ответственностью и самоотдачей, чем к оригинальной, собственной. И тут он тоже умеет совмещать явления по природе своей полярные — Галактиона и Гришашвили, Леонидзе и Чиковани, Каладзе и Ираклия Абашидзе, Гомиашвили и Григола Абашидзе, Нонешвили и Маргиани, Берулава и Квливидзе. Многие межировские переводы вошли в золотой фонд советской переводческой классики. А ряд переводов из Си-

мона Чиковани и Ираклия Абашидзе поэт включил в свои собственные книги (с указанием — «из такого-то поэта»), как бы подчеркивая этим то, как он вжился в роль переводимого поэта и какое значение придает этой роли в своей поэтической судьбе.

И еще одна исключительная, быть может, уникальная, особенность межировского дара поэтического перевоплощения: он может играть роль только современников — старших или младших, но именно современников, которых знает или знал, видит или видел, с которыми он близок или был близок. До сегодняшнего дня им не переведена ни одна строка из классической грузинской поэзии, которую он боготворит, но которой как поэт-переводчик пока не коснулся. Почти такое же отношение было у него к Галактиону Табидзе, которого он знал, но перед которым благоговел как перед живым клас-

сиком, как перед святыней или «действующим храмом». И перевел он из него всего лишь три стихотворения — в самой ранней, «дерзкой» молодости. Но суть дела в том, что и здесь действовала исконная природа межировского таланта — тяга к живому, осязаемому, всеми пятью чувствами воспринимаемому феномену, что, видимо, дается совместным восприятием личности автора и его поэзии. Будет ли преодолен этот барьер к отдавленной от него во времени классике? Не ведаем. Надежду на это вселяет лишь межировское же признание из его письма к М. И. Златкину: «Надеюсь весной приехать в Тбилиси. Очень соскучился. Да и подстрочник Руставели не дает мне покоя. Покажу ямбические (1) наброски...». Исповедальное это письмо одному из лучших друзей русских переводчиков и, главное, организаторов переводческого дела, говорит не только о мечте поэта, но и о работе его поэтической мысли, более того, в конкретном направлении, сулящем выход из образовавшегося «хореического тупика» в традиции решения этой глобальной, головной, первостепенной, никогда не отменяемой задачи задач. И как было, бы

прекрасно, если б интереснейший в этом направлении опыт Евгения Евтушенко (хотя и не ямбический!) не остался бы единственным из обнародованных. Тем более, что цитированное нами межировское письмо писалось в 1976 году.

...А переводам с грузинского всегда сопутствовали — или наоборот! — стихи о Грузии, о Тбилиси, о мире, который слился с его душой с того достопамятного лета 1947 года, когда — одновременно — вышла его первая книга и вошли в его жизнь Грузия, грузинские друзья, грузинская поэзия. Тем летом сорок седьмого Александру Межирову довелось побывать в Тбилиси в обществе старших своих товарищей по перу — Павла Антокольского и Николая Заболоцкого, от которых он получил благословение как новый крестник в братской семье русско-грузинского поэтического единения. И, разумеется, грузинскими «крестными отцами» молодого русского поэта были Симон Чиковани и Георгий Леонидзе.

Георгий
МАРГВЕЛАШВИЛИ.

АЛЕКСАНДР МЕЖИРОВ ДУМАЯ О ПОЭТАХ

Кура, оглохшая от звона,
Вокруг нее темным-темно.
Над городом Галактиона
Луны бутылочное дно.
И вновь из голубого дыма
Встают поэзия —
Она
Вовеки неперевода —
Родному языку верна.

Строка «над городом Галактиона» не случайна. Есть такие художники, такие поэты и

вообще такие люди, с уходом которых из жизни весь город как-то меняет свое лицо. становится другим, не лучше и не хуже, а именно другим. Для меня Тбилиси был городом Галактиона, Гоглы и Симона. И с их уходом стал непоправимо иным.

Встречи с Симоном Чиковани были для меня пирами Платона, пирами разума и духа, на которых мне выпало счастье присутствовать. Об участии я не говорю, так как и Табидзе и Чиковани были людьми совсем другого культурного уровня, чем поэты следующих поколений, к которым принадлежу и я. Это были очень разные люди и совсем разные поэты. Это были ярчайшие представители неунифицированного искусства.

Симон Чиковани — художник редкого своеобразия. Характер его мышления был подлинно поэтическим, драгоценным (даже прикасаться боязно), ассоциации — стихийными, капризными, мощными. Он был способен сближать несближаемое. Его человеческое мужество послужит примером всем, кто осоз-

нал, что старость поэта — это «Рим, который взамен турусов и колес, не читки требует с актера, а полной гибели всерьез». В последние годы жизни Чиковани ослеп, но слепота не сломила мученика. Он продолжал трудиться, всегда был спокоен и тверд, а по ночам к нему в дом приходили горы Грузии, и он слышал, как они тяжело поднимаются по лестнице, ломая ступени...

Думая о Георгии Леонидзе, великом поэте, ребенке и мудреце, я вспоминаю слова Евгения Баратынского: «Почему явление поэта столь редкостью на свете? Потому что поэт должен сочетать в себе качества, которые в человеке сочетаться не могут: жар творческого воображения и холод ума поверяющего». Именно таким был Георгий Леонидзе, ребенок и мудрец, чистейшая душа, настоящий сын Грузии.

Галактион Табидзе возвышался над всеми, как твердыня духа, как храм действующий, но построенный очень высоко. Я знал его лишь издали. Слышал звон его колоколов, но дальше паперти так и не пошел...